

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОРОБЬЕВА
президент Центра религиоведческих исследований "Этна", Санкт-Петербург, Россия
info @ upelsinka.com

*МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
РЕЛИГИОВЕДЕНИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

The main topic of our paper is not a phenomenon of new religiousness. We would like to betake to researchers, who are studying that religiousness. So, we are advisedly look to change all points from the research's subject to the researcher. We are interesting in the aims and problems which we have in a process of research and the problem of religiousness as well. There are a lot of very important questions, like "know" or "don't know" any religions, how many religions we need to know, how we can compare all religions. For my personal opinion, this question is secondary only. Course firstly we have a problem of our subjectivity, which is the main for the next researcher's steps.

Предметом нашего доклада будет не феномен новой религиозности, как было бы логично предположить с самого начала. На этот раз мы обратимся к тому, кто эту религиозность изучает. Таким образом, мы намеренно задаемся целью сместить акценты с предмета исследования на самого исследователя. Нас будут интересовать те цели и задачи, которые возникают в процессе исследования, а также проблема восприятия религиозности как таковой.

Вопрос «знать» или «не знать» ту или иную религию, вопрос о количестве изученных нами в процессе исследования религиях, об их сопоставлении, о критериях оценки той или иной религии, безусловно, важен. Но, на мой взгляд, этот вопрос вторичен. Поскольку прежде всего мы сталкиваемся с проблемой субъективности и стереотипности сознания, которая и определяет все дальнейшие шаги исследователя.

«Знание – надмевает...»?

Скорее, постановка вопроса применительно к исследователю могла бы быть иной. Подчас знание отдаляет нас от того состояния, которое мы именуем религиозностью и которое изучаем. Приведу лишь один пример.

Делая свой персональный выбор в пользу принятия язычества, мы обладаем огромным потенциалом знаний. Уже к моменту нашего выбора мы в большей или меньшей степени знаем об истории язычества, о его пути развития, о его взаимодействии (а в большинстве случаев – противодействии) с христианством – таким образом, мы уже имеем некоторые убеждения, размышления, сомнения, посеянные в нас культурной традицией, в которой мы родились и были воспитаны. Традицией, насчитывающей не одно столетие.

Иначе было во времена древних. Еще до момента распространения христианства, европейцы не просто не знали – они не могли представить, что их мировоззрение в корне изменится, что на смену тем представлениям, которые передавались им от их предков, придут новые, совершенно отличные от прежних. Мы говорим не просто об отвлеченном религиозном знании – мы говорим о конкретных религиозных представлениях человека, которые он был вынужден, в силу необходимости, принять на веру или не принимать вообще. Выражаясь современной терминологией, мы имеем дело со стрессовой ситуацией – именно это состояние стресса могли испытывать древние, размышляя о новом, неведомом им доселе Боге.

Знания, приобретенные нами за последнее тысячелетие, сильно изменили облик верующего. Его выбор по-прежнему экзистенциален («Некрещеный человек является язычником; крещеный, и отказавшийся уважать свои крещальные обеты, есть отступник» [1, 10-11]). Но вряд ли этот выбор может сравниться с выбором древних. Этот пример – лишь иллюстрация различного духовного опыта, который могут иметь последователи одной и той же религии, живущие в разное время.

Изучая особенности религий, мы можем подумать, что приближаемся к предмету исследования. На самом деле, концентрируясь лишь на сравнительном анализе религий и не учитывая все социокультурные факторы исследуемого периода, мы безнадежно отдаляемся от предмета исследования и рискуем увидеть то, что хотим видеть, а не то, что существует на самом деле. Исследователям религии подчас не хватает той осторожности, которой обладают, например, археологи. Источники, имеющиеся в руках религиоведа, порой могут трактоваться достаточно вольно, а порой – и вовсе отбрасываться. Примером могут служить многочисленные исследования, рассказывающие о конкретном вероучении лишь на основе прочитанной литературы и опыта общения с верующими, но лишенные глубинного междисциплинарного анализа. Религиовед – это специалист, который находится в тесном взаимодействии с другими науками, такими как история, психология, социология, филология, философия. И было бы в корне неверным пренебрегать теми источниками, которые предлагают нам наши коллеги – новые археологические открытия, данные социологических исследований, психологические методы анализа и мн. др.

Практический опыт в религиоведении

В археологии известны «практические методы», дающие чрезвычайно много полезного для науки. Например, раскопки эпохи викингов позволяют нам сделать реконструкцию домов. Одним из примеров может служить последняя находка датских археологов из Музея Мосгард. В сентябре 2008 г. ими были обнаружены остатки 15 домов, которые позволяют получить представление об особенностях строительства в эпоху викингов. Речь идет о хижинах, уходящих примерно на полметра вниз под землю, чаще всего с земляным полом, где для удержания кровли служили два мощных, вкопанных в землю столба. Из исследований аналогичных домов археологам известно, что в них, как правило, находились союзы ремесленников – особенно текстильного, кузнечного, плотницкого и кожевельного производства [2]. Однако лишь практические опыты (в данном случае – эксперименты проживания в домах эпохи викингов) помогли ученым понять, как использовалось внутреннее помещение. Так, например, земляные возвышения, располагающиеся вдоль стен и обложенные деревом, могли уберечь от холода и сквозняков – именно здесь обитатели проводили большую часть времени [3; 41].

Практический опыт в религиоведении, как правило, воспринимается нами совсем иначе. Безусловно, что здесь есть свои особенности – ведь мы имеем дело не с конкретными предметами (хотя, безусловно, и с ними тоже), а, в первую очередь, с духовными представлениями человека. Воспринять их, попытаться понять и усвоить – опыт трудный, и порой неосуществимый. Ведь невозможно принять на веру одну, другую, третью религию – рано или поздно, наше сознание скажет: «Стоп! Я больше не верю! Определись же, наконец, во что веришь ты сам!». Но этот, в некотором смысле опасный и весьма деликатный опыт может оказаться чрезвычайно полезным. Воспринимая на веру услышанное и, одновременно, подвергая его сомнению, от доли скептицизма мы приходим к собственному, обоснованному мнению. Так рождаются исследования, которые, впрочем, не всегда могут быть объективными, даже при использовании «полевых методов» в религиоведении, когда мы изучаем религию не только по книгам, но и на практике – т.е. пребывая в общине и принимая участие в ее повседневной жизни, обрядах и т.д.

Об объективности исследований новой религиозности

Невозможно исследовать религию отвлеченно – говоря о религиозных воззрениях того или иного религиозного движения, мы неизбежно апеллируем к фактам социального взаимодействия, имевшим место в истории этих движений. Великое Белое Братство «Юсмалос» – трагические события в Киеве 1991 года, Аум Синрикё – токийские убийства в метро, Семья (первоначальное название – «Дети Бога») – «кокетливая рыбалка» (привлечение в движение молодых людей благодаря флирту, а порой и физических отношений с членами движения) в 70-80-х гг. 20 века. Подобные факты не могут оставаться без внимания и неизбежно учитываются в оценке движения как исследователями, так и самими верующими, для которых произошедшие события могут носить эпохальный характер и очертить траекторию развития движения в ближайшем будущем.

Кроме того, не может оставаться без внимания и оценка тех или иных событий, происходящих в нашей повседневной жизни, Русской Православной Церковью, поскольку эта оценка слышится все громче, и находит свое отражение в средствах массовой информации, в образовательных реформах и т.д.

Возможно ли в этой ситуации исследователю религий оставаться объективным?

Факторы нового века

Развитие новых информационных технологий также накладывает отпечаток как на самих верующих, активно использующих эти технологии для проповеди своего учения и привлечения новых членов, так и для самих ученых, которые могут использовать новые источники для исследовательского анализа – например, сайты религиозных организаций, опросы, проводимые через Интернет и т.д. Безусловно, что мы находим для себя много полезного для исследования. Однако нельзя не отметить то, что порой из-за подобной «информационной доступности» исчезает ощущение встречи с духовностью, и разговоры о Боге воспринимаются нами как некая обыденность.

Становятся ли новые религиозные движения более открытыми и доступными посредством Интернета? Безусловно, границы нашего выбора расширены, но именно это многообразие верований может оттолкнуть современного человека от религии. основополагающим фактором для верующего остается «зов души», а для нас, исследователей, – живое общение, которое позволяет нам соприкоснуться с религиозностью.

И, наконец, об отличиях «новой» (нетрадиционной) и «старой» (традиционной) религиозности и методах исследования. Имеется ряд проблем в изучении новых религиозных движений. Ряд исследователей воспринимают новые религии, как нечто, родившееся в сознании конкретного человека, а потому не претендующее на серьезное восприятие (т.е. изначально ими умалывается факт сакральности текстов, обрядов и т.д.) Другие же, напротив, воспринимают новые религии как нечто «хорошо забытое старое», что, на наш взгляд, также не является бесспорным. Новая религиозность – не есть трансформация старого сознания. Будучи таковой, она бы не могла вмещать опыт человечества за прошедшие столетия. Сама база любой древней религии не может оставаться без изменений – даже, рассматривая христианство, мы не можем сказать, что оно осталось неизменным за прошедшие две тысячи лет – ведь технический прогресс меняет жизнь верующих.

Как же подойти к исследованию новой религиозности? Какой путь исследования является оптимальным? Уже в самом названии доклада мы обозначили постановку проблемы, и она, безусловно, не может иметь одного конкретного решения. Вопрос, который мы выносим на обсуждение, предполагает множество дискуссий, к чему мы и призываем.

Литература:

1. Э. Жильсон. Философ и теология. – М., «Гнозис», 1995.
2. Музей Мосгард нашел 15 домов эпохи викингов. – Dansk.Ru, 4.09.2008
<http://dansk.ru/content/view/31/1/lang,russian/>
3. Э. Роэсдаль. Мир викингов: Викинги дома и за рубежом. – СПб., «Всемирное слово», 2001.

HTTP://WWW.E-RELIGIONS.NET
1.10.2008 – 1.12.2008